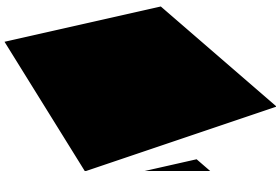

ПРОЗА ВИКТОРА
ПЕЛЕВИНА

ВИКТОР
СМОТРИТЕЛЬ
ЖЕЛЕЗНАЯ БЕЗДНА
ПЕЛЕВИН

КНИГА 2

КУВЫРОК МЫШЛЕНИЯ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Оформление серии «Проза Виктора Пелевина»
Сергея Власова

Оформление серии «Pocket book»
Андрея Саукова

Иллюстрация на обложке *Алексея Бровко*

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 Смотритель. Книга 2. Железная бездна /
Виктор Пелевин. — Москва : Издательст-
во «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-98318-6 (Pocket book)

ISBN 978-5-699-98316-2 (Проза Виктора Пелевина)

Алексис де Кижэ — Смотритель Идиллиума, нового мира, созданного Павлом Алхимиком и Францем-Антоном Месмером во времена Французской революции. Алексис — Блюститель миропорядка. Он создает Всё из Ничего и за этой работой беседует с Четырьмя Ангелами. Он равен Богу. Но... Смотритель сам не знает, кто он и откуда взялся. А выяснить это необходимо. Иначе он не станет настоящим Мастером и никогда не сможет сказать: «Мир — волшебный кристалл с безмерным числом граней, и повернуть его всегда можно так, что мы рассмеемся от счастья или похолодеем от ужаса...»

О чем эта книга на самом деле, будет зависеть от читателя — и его выбора.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98318-6
ISBN 978-5-699-98316-2

© В.О. Пелевин, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

И Андрей закричал: «Я покину причал,
если ты мне откроешь секрет!»

И Сиддхартха ответил: «Спокойно, Андрей,
Никакого причала здесь нет...»

*Ветхая Земля, неизвестный автор
(Из архивов Железной Бездны)*

Латинский дневник Павла Алхимика (1790–1801, тайная часть)

1790

Крысы, котята, голуби, стрекозы, мухи – все они выглядят здоровыми, но дух не желает входить в их тела. Вернее, дух входит – но не остается надолго. Прежде чем испустить его, мои несчастные создания делают несколько вялых движений, и, хоть на это время они неотличимы от живых существ, краткий миг их бытия слишком мимолетен.

Так же, наверное, дрожало бы мельничное колесо, если бы вместо речной струи на него вылился кувшин воды. Водопад жизни где-то рядом, но дотянуться до него я не могу.

Как пригласим мы дух в материю? Как вдохнем Улыбку Авроры в новый мир?

Я делаюсь чувствителен и плачу после своих неудач. Больше никаких синеглазых котят – особенно если их хватает лишь на один грустный взгляд. Только крысы, лягушки и пауки.

Брат Бенджамин уже ждет нас на том берегу; он сообщает, что чувствует себя чудесно и словно сбросил двадцать лет. Поистине, Флюид может все – но отчего его сила не желает проявить себя в моей работе?

1791

Гроза, осветившая сегодня ночную террасу, страшно исказила лица мраморных истуканов, и на миг мне сделалось жутко от их общества. Но одновременно в мою душу упал луч света. Я понял наконец, в чем ошибка.

Отчего-то я решил, будто муху или стрекозу создать легче, чем человека. Так, может быть, обстоят дела для Высшего Существа – но не для меня. Сколь мало я знаю о мышах и пауках, и сколь многое – о людях! Не проще ли мне будет достичь цели, приступив сразу к задаче великой и сложной, но внятной во всех ее частях?

Флюид может все, повторяет брат Франц-Антон – и я знаю, что он прав. Путей и троп вокруг нас бесконечно много, но слабый человеческий ум не видит окружающего ландшафта во тьме своего неведения – до тех пор, пока не сверкнет случайная молния прозрения...

Сегодня я счастлив.

1792

Один из кадавров сказал сегодня что-то похожее на “Пить” – или, быть может, это мои надежды заставляют меня различать слова в их предсмертном хрипе.

Вскрытия раз за разом показывают, что полученные из Флюида тела совершенно неотличимы от человеческих. Отчего же мне не удастся создать пригодный к делу ум? Флюид не ошибается. Значит, что-то делаю неверно я сам.

Мне не дает покоя одна мысль. Мы, члены тайного Братства, дали клятву освободить человечество от мук. Но как можно победить страдание, не постигнув его природу? Сводя причины к материальным, мы сильно упрощаем дело – сколько богатых красавцев закончили жизнь, бросившись на шпагу, свою или чужую... Были, говорят, в восточных странах мудрецы, говорившие о причинах страдания. Но есть ли у боли причина иная, чем сама боль?

Мне не хватает сосредоточенности ума.

1793

Вот что открылось мне во время ночных раздумий: говоря, что любой человек – “дитя своего времени”, мы имеем в виду, что он воспитанник не столько своих родителей, сколько толпы. Он созревает из чужих мнений, впечатлений, опыта – словом, из потоков Флюида, проходящих сквозь чужие умы и души. “Личность” – творение всего человечества или хотя бы значительной его части. Именно это должна учесть моя алхимия.

Уловить в свои сети поток Флюида, как бы окрашенного в цвета чужих душ, захватить внимание и веру других умов – и направить их в сердце кадавра. Только так можно заставить мир согласиться с моим актом творения. Сами люди должны оживить моего питомца – так же, как они оживляют своих детей, идолов, богов и святых. Лишь тогда Флюид обретет требуемый модус.

Вот путь. Но я не буду шарахаться из стороны в сторону. Сперва следует составить подроб-

ный и выверенный во всех деталях план. Много нужно взвесить не единожды, но трижды.

Не спешить, только не спешить.

Брат Франц-Антон пишет о серьезных проблемах, омрачивших наши опыты на том берегу. Несколько лучших медиумов мертвы. Созвездия нам не по зубам.

Но в наших планах это ничего не изменит – исход уже необратим. Следует полностью сосредоточиться на поставленной задаче.

В Париже все идет как задумано. Но боюсь, что смутой дело не кончится – брат Бенджамин посеял такой ветер, который будет приносить хорошие проценты не один десяток лет. Верно говорят – когда появляется много свободных умов, впереди великая война. Ибо лишь в ней они обретут окончательную свободу от темницы тела.

Рыцарь Справедливости сказал сегодня, что практики Мальтийского Ордена по высшему сосредоточению восходят в своей сути к учению бритоголовых монахов. Брат Франц-Антон тоже говорил, что этому учат на Востоке.

Перебравшись на тот берег, изучу сии науки глубоко.

1794 (?)

Сегодня, обдумав все в последний раз, стал действовать. Мой план подробен и точен; колебаться уже не следует – только неукоснительно выполнять.

Я начал с того, что незаметно исправил один из оставленных на подпись приказов по производству в офицеры. Добавив пером несколь-

ко крошечных черточек, я сделал из половинки слова, перенесенного на другую строку, новое живое существо по имени “подпоручик Киж” (ах, если б и в лаборатории все было так просто).

Я на всякий случай придал содеянному вид описки, могущей быть истолкованной двояко – чтобы не засекали беднягу писаря за подлог, если фокус не пройдет. А потом запутал дело еще сильнее, зачеркнув строку с новорожденным – и дописав сверху “Подпоручик Киж в Караул”.

Когда наступила ночь, глухая и безлунная – я, зная, что приказ мой уже переваривается медленным умом канцелярии, совершил следующее: спустился из окна, держась за канат, почти до середины стены – и, повиснув над кустами, закричал громким, как возможно, голосом “Караул!”.

Через минуту я был уже в своей спальне. Как отраднo, что тело мое еще позволяет подобные упражнения!

На следующий день я потребовал доклада, кто кричал “Караул” под моими окнами. Замысел мой прост, как все умное: Киж-описку могли бы позабыть, но офицера, назначенного лично императором в караул – уже нет. А если в эту же ночь неизвестный прокричит “Караул” под императорской спальней?

В умах дознавателей будет посеяно следующее: в караул назначен Киж, Киж нигде нет. Под окном кричали “Караул”, кричавшего тоже нигде нет. Верно, “Караул” и кричал этот Киж – кто же еще?

Одно зацепится за другое, пойдут толки – и смятенные умы оплодотворят друг друга. Эти круги на воде будут отныне воспроизводить себя сами – но я намерен помогать им при каждом случае.

Чтобы не посмели свести все к недоразумению, изобразил великий гнев. Разбил стеклянную ширму, ущипнул беднягу адъютанта. Он покраснел, улыбнулся – и посмотрел на меня так, что покраснел уже я. Я до этого и не подозревал, что он *le bougre*, или, как говорят у них в казарме, жопник. А ведь я присматриваюсь к людям... Верно, впредь надо будет приножиться.

Кстати, отчего любителей этого сурового солдатского удовольствия называют по-французски “болгарами”? Обратное было бы понятней. Видимо, История еще не открыла нам всех своих тайн.

Только что доложили – “Караул” кричал *подпоручик Киж, коего ищут, но не могут найти*. Все совершилось, как задумал.

Велел, как отыщут, сослать в Сибирь пешком – и приказ о сем вывесить везде, где возможно.

Теперь я не дам им его забыть.

1800

Брат Франц-Антон сообщает, что медиумов потребно будет скрыть “наверху” – там же, где мы возведем сокровенный Храм. Он не может объяснить причину в письме. Обещает расска-

зять при встрече и зовет скорее присоединиться к Братству на другом берегу.

Брат Бенджамин построил новую стеклянную гармонику и жаждет сыграть на ней лично для меня. Сердечные мои друзья, как не хватает мне вас на севере... Думаю о вас со слезами на глазах. Как одинок я среди здешних осин, на каждой из которых висит по хорошему иуде!

Императору, однако, сложнее устроить побег – ибо он есть заключенный, охраняемый сотнями часовых, отмечающих каждый его чих и движение. Но я придумал поистине изящный выход. Здесь мне поможет мой Киж – он, верю, созрел уже достаточно для того, чтобы шагнуть из небытия в бытие.

Его истории позавидует иной искатель приключений: был опиской, сделался офицером, потом сосланным злоумышленником. Вернулся, женился на фрейлине, произведен в капитаны, потом в полковники, а скоро будет и генералом. Он стал уже и отцом – что, замечу, вблизи казармы нетрудно даже для призрака. Совсем живой человек. И хоть никто его не видел глазами, умственно его касались многие.

Шпионы доносят, что его принимают за родственника Олсуфьева. Другие называют его беглым шуаном. Словом, про него ходят легенды.

Теперь осталось перейти к финалу.

Чтобы родиться, Кижу придется умереть. А поскольку он не человек, а умственный вихрь, возникающий во множестве сознаний, смерть его будет заключаться в том, что вихрю это-

му придется покинуть приютившие его головы, как душа покидает тело. Эту искусственно выращенную душу я и предполагаю пригласить в гости, чтобы оживить созданный мною кадавр.

Сейчас о Кижее знают многие – но думают о нем лишь изредка и случайно, как о любом другом человеке. Смерть его и похороны нужны для того, чтобы о нем вспомнили все – одновременно и вместе.

Как только вихрь Флюида обретет требуемую плотность, я уловлю его, отделию от основы – и направлю в грудь своего нового создания. Именно этого легчайшего касания, этой капли эссенции и не хватало моим опытам до сих пор.

1801

Итак, сегодня свершилось.

Хоронили Кижю. За лакированным гробом на лафете несли ордена, шел полк с опущенными знаменами, ехали кареты. Рыдала безутешная вдова. Отдавал честь малыш сынишка. Толпа напирала со всех сторон.

Я выехал на мост на жеребце, черном, как зрак ночи. На голове моей была Шляпа Могущества, скрытая в черной треуголке – дар Франца-Антоня. Когда гроб везли мимо, я поднял над головой Жезл № 2, симпатически связанный с камерой в моей лаборатории.

Я почти телесно чувствовал поток связанных с Кижеем прощальных мыслей, витающий над головами (служил, любил, обласкан императо-

ром, заговор, измена... многие шептались, что, снисходя к прежним заслугам, император велел бедняге принять яд, чтобы сохранить наследство вдове... чего только не думали о покойном). Но стоило мне воззвать к силе Флюида, как поток этот замкнулся на мне – и устремился в мой Жезл.

Словно невидимый вихрь поднялся над толпой – и, свернувшись в узкую воронку, втянулся в мой алхимический инструмент. Но сию картину видел оком мудрости один лишь я; для толпы же происходило иное.

Я держал Жезл как шпагу. Он действительно походит на нее блеском и длиной – так что все обратившиеся ко мне бесчисленные лица увидели: император салютует усопшему. Немало было таких, кто прослезился – и дал мне дополнительную силу.

Жезл завибрировал в моей руке; уловленный им вихрь Флюида устремился в лабораторию, где в стенной нише висел на цепях кадавр, подключенный к магнетическому баку.

И когда, глядя на салютующего шпагой императора, площадь глухо заволновалась, я узрел оком мудрости, как кадавр в моей лаборатории открыл глаза.

Через полчаса я был уже там.

У него мое лицо, мое тело... Создавший его Флюид весь прошел через меня, так что в известном смысле он и я – одно. Страшно было смотреть в его глаза. Но еще страшнее – услышать первые его слова: